

Научная статья

УДК 303.032.4; 303.822.4

doi: 10.22394/2074-7306-2021-1-4-41-48

ВЛАСТЬ ГОСУДАРСТВА КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ДОМИНАНТА В РОССИИ: К РЕСУРСАМ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА

Елена Михайловна Крупеня

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, krupenyaem@yahoo.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию власти государства - доминирующего актора в институциональном комплексе Российской локальной цивилизации. Автор в концептуальном ключе обосновывает и конструирует программу исследования на основе принципа методологического плюрализма и синтеза достижений общеправовой теории и др. областей социогуманитарного знания. Учитывая достижения цивилизационного подхода к типологии государства и права, автор актуализирует социолого-психологические оценки государственной власти как доминирующего субъекта публичного права в России.

Ключевые слова: типология, цивилизационный подход, цивилизация, матричные структуры цивилизации, государственная власть, государство, публичное право, ментальный комплекс, правосознание

Для цитирования: Крупеня Е. М. Власть государства как цивилизационная доминанта в России: к ресурсам методологического плюрализма // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 4. С. 41–48. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-4-41-48>.

Problems of Ensuring Unity and Harmony in Russian Society

Original article

THE POWER OF THE STATE AS A CIVILIZATIONAL DOMINANT IN RUSSIA: TO THE RESOURCES OF METHODOLOGICAL PLURALISM

Elena M. Krupenya

Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia, krupenyaem@yahoo.com

Abstract. The article is devoted to the study of the power of the state - the dominant actor in the institutional complex of the Russian local civilization. In a conceptual way, the research program is substantiated, constructed on the basis of the principle of methodological pluralism, synthesis of achievements of general legal theory and other areas of socio-humanitarian knowledge. Taking into account the achievements of the civilizational approach to the typology of state and law, the author actualizes the socio-psychological assessments of state power as the dominant subject of public law in Russia.

Keywords: typology, civilizational approach, civilization, matrix structures of civilization, state power, state, public law, mental complex, legal consciousness.

For citation: Krupenya E. M. The Power of the State as a Civilizational Dominant in Russia: to the resources of methodological pluralism. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2021;(4):41–48. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-4-41-48>.

1. Цивилизационный подход в исследовании государственной власти в национальной правовой системе России: проблемные вопросы понимания его теоретических оснований и достижений

А). О цивилизационном подходе и понятии «цивилизация»

В рамках общетеоретической науки цивилизационный подход сохраняет свои позиции в процессе типологизации существующего знания об эволюционной динамике государства и права, т.е. в качестве универсальной научной процедуры, которая призвана: А) систематизировать большой объем информации об объекте; В) разместить информацию по отдельным

кластерам и группам на основе определенного критерия - типа, позволяющего использовать его как критерий при сравнении, выявляя общее и особенное в сопоставляемых объектах; V) защищая от потерь накопленный массив научной информации, переосмысливать и транслировать его с целью использования в процессе производства нового научного знания. Цивилизационный подход наряду с формационным подходом к типологии государства и права признается основным, несмотря на то, что оба интеллектуальных проекта разрабатывались вне предметных пределов теоретической юриспруденции.

К числу неоспоримых достоинств цивилизационного подхода к типологии государства и права отнесем его компенсаторную функцию, благодаря которой становится возможно уравновесить недостатки редукции и универсализации – они, к сожалению, неизбежны при конструировании теоретико-правовых закономерностей о государстве, формализации его отношений с др. институтами политической системы общества в процессе социогенеза в логико-смысловые конструкты. Цивилизационный подход, основанный преимущественно на достижениях исторической науки и связанной с ней истории права и государства, обладает необходимым ресурсом для того, чтобы наряду с общими (универсальные в истории государства), выявлять и особенное (единичное, уникальное) в исторической судьбе государственно-правовых институций конкретного общества.

Было бы преувеличением утверждать, что все научные параметры данного подхода получили свое конвенциональное решение. В научном дискурсе и в научной литературе по-прежнему сохраняет актуальность вопрос о понятии «цивилизация», которое используется в качестве фактора тождества в рамках цивилизационной типологии: единства в понимании этого конструкта не наблюдается несмотря на то, что в последние годы научный интерес к этой проблеме возрос под влиянием достижений компаративистики, науки конституционного права зарубежных стран, глобалистики и др. сфер научной рациональности.

Представляется, что значительным эвристическим потенциалом обладает понимание цивилизации как уникального общества, локально существующего во времени и пространстве в единстве всех взаимосвязанных алгоритмов, формирующих его специфическую структуру, определяющих самобытность - она формируется опытом исторического развития и становящуюся основой его самосознания и установления отличий от иных цивилизаций (в интерпретации Е.А. Лукашевой)[12, с. 16]. Коррелирует такому пониманию мнение из сферы сравнительного правоведения (в интерпретации В. Е. Чиркина). А именно: цивилизация представляет собой способ организации жизни в крупных человеческих сообществах; цивилизация мыслится как такой «образ жизни народа или группы народов, который отличается тем, что: имеет системный характер, опирается на одинаковые максимы экономических, политических, социальных, духовных представлений и деятельности, которые принято считать неопровержимыми [21, с. 177].

Б). О логико-смысловом конструкте «власть государства» в контексте межпредметного синтеза

Поскольку власть государства и в широком социальном контексте, и в плане корпуса понятий и категорий юриспруденции онтологически связана с одним из исследуемых объектов – с государством, постольку может быть отнесена к области общей теории государства и права. Но лишь в первом приближении. Едва ли можно аргументированно возразить тому, что власть государства = государственная власть требует анализа в системе более широких связей и межпредметного синтеза, если принять во внимание, что: I) государство - это один из институтов политической системы общества, который хотя и занимает доминирующие позиции в силу своей наибольшей ресурсности, но в гражданском обществе, сформировавшегося в лоне правовой культуры демократического типа, утратил монополию на власть, а поэтому вынужден взаимодействовать с др. властными институциями; II) власть является родовым, т.е. общим признаком государства и «роднит» его с др. властными институциями в границах политической системы общества; III) поскольку общественная власть (даже в классической интерпретации М. Вебера) - явление по своему назначению исключительно инструментальное, постольку и государство выступает социетальной функцией общества (в терминологии американского исследователя А. Г. Кэллера и отечественного правоведа – Л. С. Мамута). Поскольку функция (деятельность) не бывает бессубъектной, постольку сохраняет свою актуальность проблема субъекта.

В). О достижениях цивилизационного подхода в обосновании доминантного положения государственной власти в России

Факторы, которые обусловили доминантное положение государства в политической системе российского общества, науке хорошо известны, а поэтому едва ли стоит их приводить. Но обратиться к тем из них, которые обладают значительным иллюстративным эффектом и важны для последующего изложения в контексте достижений цивилизационного подхода, полагаю? стоит.

Уникальность государственной власти - базового политико-институционального элемента локальной российской цивилизации, с одной стороны, объясняется особыми историческими условиями формирования централизованного российского государства: политическая трагедия российского общества периода феодальной раздробленности, борьба с двухсотлетней (с 1237 по 1480 годы) системой эксплуатации русских земель пришедшими с Востока завоевателями – кочевниками в условиях преодоления сильнейшего внешнеполитического прессинга и др. С другой – объясняется тем, что российская цивилизация относится к «молодым», находящимся в стадии своего активного складывания со свойственными процессу формирования «проблемами роста». Значимым фактором, вызвавшим к жизни для длительной исторической перспективы мощное Российское государство и его власть, стала так называемая «цивилизационная хрупкость», сегментарность самого общества, нуждающегося в организации и оформлении. Задача эта оказалась по силам только государству – державе, сочетавшей в политической практике идею и опыт синтеза, коммунальности, известный системоцентризм - доминирующий по отношению к субъект-центризму (различные формы подавления личности во имя государства-державы не были исторически редкими).

Указанные и др. факторы обусловили то, что государство в институциональной матричной структуре локальной Российской цивилизации заняло позиции (I) ведущего актора (II) с особой исторической миссией.

(I). Доминирующие позиции государства в институциональной матричной структуре локальной российской цивилизации поддерживается тем, что оно является:

❖ центральным институтом политической системы общества, в границах которой происходит выработка, принятие важных для всего социума решений, организуется процесс их реализации на основе мобилизации всех ресурсов социума, а государственная власть в России силу своей историко-генетической детерминированности представляет собой мощную, централизованную, в отдельные периоды деспотичную власть, персонифицированную в верховном правителе самодержавного типа (царь, император и др.), длительное время организованную преимущественно по типу абсолютной монархии;

❖ символом порядка и единственной альтернативой вольнице, устремлённой к абсолютной свободе воли народа, не слишком поглощённой жаждой материального достатка, земными ценностями. По этому поводу Н. Г. Козин верно замечает, что «идеология и практика русского великодержавия стала ответной реакцией на идеологию и практику необузданной русской вольницы, грозившей разнести в клочья сам фундамент национальной истории» [8, с. 274];

❖ субъектом использования не только правовых, но и внеправовых методов управления. Известны случаи, когда граждане «осмеливались» отстаивать закреплённые в законодательстве права [5, с. 56–69; 6, с. 70–78], а государство в своих действиях, внешне выраженных в ничем не прикрытом насилии, не подчинялась закону;

❖ актором перманентного контроля в отношении структур общества и последовательного сокращения сферы самоорганизации и самоуправления. Незначительной в количественном отношении группы состоятельных, экономически успешных людей вовсе не предполагало даже небольшой возможности их самостоятельного, инициативного гражданского участия в решении важных государственных и общественных дел. Более того, история полна примеров, демонстрирующих реакции государства как властвующего субъекта на подобные несанкционированные акции, утверждая, начиная с эпохи Ивана Грозного до Сталина легитимно-неправовой метод правления, одновременно базирующегося на самой широкой народной поддержке;

❖ государство - субъект обладания символического капитала, который выкристаллизовывался в так называемом московском типе отношений между властной организацией и народом, его отдельными представителями – это провокационно-охранительный, внеправовой, но

легитимный, основанный на общинном (коллективистском) оборонничестве, фундированном идеологией сильного государства, действующего во имя «лучшего устройства народа» [7, с. 80–82]; боевой строй Российского государства, тягловый, а не правовой характер внутреннего управления различными сословиями с резко различающимися повинностями по отношению к государству, с верховной властью, располагающей неопределёнными, т. е. неограниченным, пространством действия, признаются условиями выживания России в мировой истории.

(II). Особая историческая миссия государственной власти проявилась в том, что государство использовало свою власть для:

❖ оформления общества, формировавшегося вследствие синтеза различных ценностей, сосуществующих на протяжении всей истории страны;

❖ геополитического объединения и синтеза того мозаичного социума, который приобрел транзитивный характер в процессе культурной самоидентификации, на основе этнического, религиозно-духовного, цивилизационно-культурного, климатически-географического многообразия;

❖ реформирования общества. История российской цивилизации отмечена многочисленными примерами, которые иллюстрируют инициирование решения встающих перед обществом проблем, как правило, «сверху» (реформы [4; 3, с. 11–28] Ивана III, Ивана IV, Петра Великого; Екатерины Великой, конца XIX века; советского и постсоветского права, реформирование действующего основного закона 1993 года и плебисцит 01.07.2020 и др.). Рациональные намерения государства изменить общество «сверху», не дожидаясь трансформации «снизу» сопрягаются с усилением роли самого аппарата публичной власти в лице бесконечно увеличивающейся бюрократии, достигающей «размеров чудовищных». Актуальности не утратили оценки Н.А. Бердяева относительно того, что России - самая государственная и самая бюрократическая страна в мире, в России превращается в орудие политики[1];

Особенности исторического пути России в контексте мировой эволюционной динамики особенно в контексте иного опыта [18, с. 32–40; 19, с. 50–61; 20, с. 226–231], а также становления Российского государства и его абсолютная власть с небывалой политической централизацией, обеспечивающая феноменальную мобилизацию всех ресурсов для решения общенациональных задач, объясняют исторический выбор России. На определенном этапе исторического развития он был сделан в пользу политической дисциплины всех слоёв общества, устранения всех, и прежде всего правовых, ограничений в процессе «встраивания» каждого человека в государственное целое [9, с. 57–64], активно жертвуя при этом индивидуалистическими ценностями, правами и свободами человека, гражданственностью и индивидуального субъекта права, и нации.

Вышеизложенное, как ранее было отмечено, способствовало нюансированному пониманию прошлого государственной власти, сформировавшейся в лоне локальной российской цивилизации. Но исторические факты, помогающие нюансировать научные представления о характерных чертах государственной власти в России в социокультурном историческом контексте, мало способствуют тому, чтобы объяснить государственную власть в качестве актуального субъекта публичного права в масштабе современной национальной правовой системы, ее конституционно-правовых оснований. Для иллюстрации приведем несколько подтверждающих примеров. Типичные черты отечественной, «превращающей все в свое орудие» и, которое «наложило на русскую жизнь печать безотрадности и придавленности» [1, с. 13–14] государственной власти легко угадываются и в форме правления современной России: специалисты в области конституционного права России отмечают явные диспропорции в рамках организационного принципа институционального и функционального разграничения ветвей власти в пользу исполнительной власти, персонифицированной в личности Президента; в современной российской практике конституционного правоприменения все чаще и все более настоятельно в самых разных аспектах проявляет себя и монархическая тематика и др.

В дополнение к изложенному выше заметим, что исторически сведения едва ли могут помочь в прогнозировании - эта задача остается актуальной для любой сферы научной рациональности, в том числе, конечно, и общеправовой теории. Будущее, которое сегодня формируется в условиях абсолютной неопределенности [16], как известно, не конструируется из прошлого и, тем более, не повторяется!

2. Об актуальности социолого-психологической оценки государства-субъекта публичного права

Для последующего анализа принципиально отметить: каждый из составляющих компонентов матричных структур цивилизации, в том числе, конечно и российской локальной цивилизации (политический, социальный, религиозный, экономический, психологический или ментальный) является равноценным. Логика теоретико-правового анализа объясняет, почему на передовые позиции в исследовании выдвигается институциональный компонент в матричных структурах цивилизации. Но оправданное внимание к государству как институту политической власти в обществе, обладающей социокультурными особенностями, вовсе не означает, что нужно предать забвению другие. А среди них стоит обратить внимание и на ментальный цивилизационный комплекс. Несложно, думаю, понять: ментальный комплекс в границах локальной цивилизации проблематизируется, прежде всего, психологическое и затем уже связанное с ним социологическое измерение темы.

С тем, чтобы обратить внимание на важность социально-психологических оценок государства как субъекта власти и в силу этого публичного права в контексте матричных структур локального типа цивилизации (российской цивилизации) концептуализируется модель самоорганизующейся критичности [17]. Она привлекает внимание, прежде всего, в контексте одной из характерных черт современной научной деятельности – разработка проблем не по предметному, а по проблемному критерию. Это объясняет появление в научном дискурсе понятия «междисциплинарный синтез». Верно замечает проф. Г.Г. Малинецкий [14, с. 16]: такой подход позволяет принять во внимание и использовать в дальнейшем как руководство к интеллектуальному действию ряд принципиальных моментов. А именно: 1) очертить контуры нашего «незнания» о объекте-предмете; 2) определить границы, на которых будет рождаться новое истинное знание и при этом коммулятивно, т.е. достаточно полно отображать действительность, а поэтому оно позволит уточнить параметры современной научной картины мира; 3) преодолеть ограниченность предметного кретинизма, емко описываемого фразой: специалист подобен флюсу, полнота его односторонняя! Другое расхожее определение профессионального кретинизма – профессионал не делает мелких ошибок на пути к своей главной неудаче; 4) признать, что в науке сегодня является наиболее важным и общим принцип самой широкой междисциплинарности – она открывает перспективы для продуктивного диалога между различными сферами научного знания. «Эта панорама, хотя и скрытая местами дымкой или туманом, постепенно проясняется настолько, что мы – *существа мыслящие* (курсив мой – Е.К) – можем полнее, чем когда-либо прежде, понять, как вписываемся в колоссальную протяженность времени» [2, с. 13].

Самоорганизованная критичность в качестве методологической основы в исследовании обладает несомненным эвристическим потенциалом постольку, поскольку, во-первых, позволяет в некоторой степени «снять» накал страсти, продуцируемый сторонниками «единственно верной» методологии, которой придерживаются приверженцы юридикопозитивистского типа научного мировоззрения; во-вторых, в процессе реализации принципа междисциплинарности реализовывать теоретико-правовую реконструкцию права, отдельных его проявлений и в целом правовой жизни общества, «двигаясь» при этом в пограничных сферах различных социальных и гуманитарных наук.

В связи с изложенным выше исследовательский проект с акцентом на психологические оценки возможен на основе сложной научной рефлексии, которая сочетает эвристические ресурсы таких методологических подходов, как:

❖ социологический. Но только в той части, которая охватывает конкретно-социологический уровень, поскольку именно он для предмета исследования подходит в большей степени. Предпочтительность конкретного уровня социологического подхода обусловлена тем, что на общесоциологическом и среднесоциологическом уровнях данная методология имеет обозримое применение в силу того, что не прибавляет знания относительно сущности правосознания, его внутренней формы (структуры), специфики функционирования его структур и их результатов и др.;

❖ антропологический. Не останавливаясь на подробной характеристике антропологической методологии – она известна [13, с.102], отметим: в известной мере антропологический подход способен минимизировать ограниченность социологического подхода на макро-

и среднем уровнях; обеспечивает исследование всех элементов и проблем права и науки о нем в их человеческом измерении; дает наиболее глубокое понимание права и связанного с ним государства как отчужденных от человека форм его существования, но не только; провозглашает право и государство в качестве общественных институций, хотя объективно существующих по отношению к человеку, но все же «рукотворных»; позволяет «усмотреть» то, что составляет человеческую природу в контексте естественно-исторического процесса; генетически связан с этнологией, этнографией и др. Фундаментальным основанием применимости к праву является признание изоморфизма структур разных общностей – общества, коллективов (групп), человека и др. Комплекс этих свойств антропологического подхода помогает понять как социализацию человека в рамках культуры, ее традиций, ментального кода, так и антропологизацию права общества, всех институций;

❖ психологизм. Аксиоматика данного направления в науке, которое заимствуется из арсенала психологии на основе самоорганизующейся критичности в сфере социогуманитарного знания состоит в том, что драйвером социального поведения человека мыслится сложноорганизованная психическая реальность [11, с. 13–19] и саморегуляция [15, с. 126–140] человека. Данный тезис имеет принципиальное значения для понимания того, как функционирует первый уровень в сложном механизме социально-психологического действия действительного и действующего права [10, с. 70–77].

Вместо заключения:

1) Глубокое и всестороннее исследование власти государства – цивилизационной доминанты в России – в методологическом плане поставлено в зависимость от межпредметного синтеза, основанного на сочетании достижений общеправовой теории и смежных областей социогуманитарного знания;

2) Междисциплинарный синтез, позволяет организовать научную рациональность в отношении объекта исследования - власти государства в Российском социокультурном контексте - по проблемному критерию;

3) Организованная на основе междисциплинарного синтеза критичность (самоорганизованная) эвристически привлекательна постольку, поскольку позволяет уточнить специфические свойства власти государства в России, учитывая детерминанты не только между государственной властью и цивилизационными особенностями общества, его матричными структурами, но и социально-психологическими особенностями персонификаторов государственной власти в России, их правосознанием и ментальным комплексом.

Список источников

1. Бердяев Н. А. Судьба России. М., Сов. писатель, 1990. – 346 с.
2. Брайн Грин. До конца времен. Сознание, материя в поисках смысла в меняющейся вселенной. М., АНФ, 2021. 548 с.
3. Глухарева Л. И. Права человека как основания классификации реформ в России // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2014. № 9 (131). С. 11–28.
4. Дорская А. А. Правовые реформы в России: типология, логика развития, критерии результативности [Текст]: монография / А. А. Дорская. СПб., Астерион, 2014. - 174 с.
5. Иванова Г. М. Зарождение гражданского правосознания в СССР // Ценности гражданского общества и личность. М., Музей и общественный центр им. Андрея Сахарова, Гардарики. 2001. - 238 с.
6. Иванова Г. М. Исторические корни нарушения прав человека в России // Ценности гражданского общества и личность. М., Музей и общественный центр им. Андрея Сахарова, Гардарики. 2001. - 238 с.
7. Кантор В. К. Насилие. Сквозь смену эпох // Ценности гражданского общества и личность. М., Музей и общественный центр им. Андрея Сахарова, Гардарики, 2001. - 238 с.
8. Козин Н. Г. Есть ли будущее у России. М., Норма, 2008. - 462 с.
9. Крупеня Е.М. Политико-правовая активность личности и западноевропейские цивилизационные доминанты // Общественные науки и современность. 2010. № 4. С. 57–64.
10. Крупеня Е.М. Правосознание в правовой реальности современного социума // Вестник Академии права и управления. 2016. № 1 (42). С. 70–77.

11. Леонтьев А. А. Сущность психического и построение психологического знания // Культурно-историческая психология. 2011. №1. С. 13–19.
12. Лукашева Е. А. Механизм действия социокультурного комплекса цивилизаций // Труды ИГПАН. Ценности и образы права / отв. ред. академик В. Н. Кудрявцев, д.ю.н, профессор Ю. А. Тихомиров. М., Изд-во ИГиП РАН. 2007. №4. С. 16–28.
13. Малахов В. П. Методологическое мышление в познании и понимании права. М., ЮНИТИ-ДАНА, 2018. – 239 с.
14. Малинецкий Г.Г. Чудо самоорганизованной критичности // Пер Бак. Как работает природа. Теория само организованный критичности: перевод с английского. Вступительная статья проф. Г.Г. Малинецкого. М., УРСС. Книжный дом «ЛИБРИКОМ», –2017. 799 с.
15. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., Норма, 2007. - 799 с.
16. Насиб Николас Талеб. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М., 2020. 736 с.
17. Пер Бак. Как работает природа. Теория самоорганизованной критичности: перев. с англ. Вступ. Статья Г. Г. Малиновского. М., УРСС. Книжный дом «ЛИБРОКОМ», – 2017. - 799 с.
18. Ростиславлев Д.А. Консервативная критика либерального учения о государстве в сочинениях Л. де Бональда в период Реставрации и Июльской монархии // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. - 2010. - № 2 (6). С. 32–40.
19. Ростиславлев Д. А. О причинах революций XVII–XVIII веков в странах Запада // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 1 (41). С. 50–61.
20. Ростиславлев Д.А. А. Токвиль о бюрократическом управлении во Франции при Старом порядке // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского. Москва, 2021. С. 226–231.
21. Чиркин В. Е. Современные цивилизации и статус человека // Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опыта. Материалы международной конференции. М., ИГиП РАН. 2009. С.176-185.

References

1. Berdyaev N. A. The Fate of Russia. M., Soviet writer, 1990. - 346 p.
2. Brian Green. Until the end of time. Consciousness, matter in search of meaning in a changing universe. M., ANF, 2021. - 548 p. (In Russ.)
3. Glukhareva L.I. Human rights as the basis for the classification of reforms in Russia // Bulletin of the Russian State University. Series: Economics. Management. Right. 2014. No. 9 (131). P11-28.
4. Dorskaya A. A. Legal reforms in Russia: typology, logic of development, performance criteria [Text]: monograph / A. A. Dorskaya. SPb., Asterion, 2014. - 174 p.
5. Ivanova G. M. The origin of civil legal consciousness in the USSR // Values of civil society and personality. M., Museum and Public Center. Andrei Sakharov, Gardariki. 2001. - 238 p.
6. Ivanova G. M. Historical roots of human rights violations in Russia // Values of civil society and personality. M., Museum and Public Center. Andrei Sakharov, Gardariki. 2001. - 238 p.
7. Kantor V. K. Violence. Through the change of epochs // Values of civil society and personality. M., Museum and Public Center. Andrei Sakharov, Gardariki, 2001. - 238 p.
8. Kozin N. G. Does Russia have a future. M., Norma, 2008. - 462 p.
9. Krupenya E.M. Political and legal activity of the individual and Western European civilizational dominants // Social sciences and modernity. 2010. No. 4. P. 57-64.
10. Krupenya E.M. Legal awareness in the legal reality of modern society // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2016. No. 1 (42). P. 70-77.
11. Leontiev A. A. The essence of mental and the construction of psychological knowledge // Cultural and historical psychology. 2011. No. 1. P. 13-19.
12. Lukasheva E. A. The mechanism of action of the socio-cultural complex of civilizations // Proceedings of IG PAN. Values and Images of law / ed. Academician V.N. Kudryavtsev, Doctor of Law, Professor Yu.A. Tikhomirov. M., Publishing House of IGiP RAS. 2007. No. 4. P. 16–28.
13. Malakhov V. P. Methodological thinking in the knowledge and understanding of law. M., 2018. - 239 p.

14. Malinetsky. G.G. The miracle of self-organized criticality // Per Tank. How nature works. The theory of self-organized criticality: translated from English. Introductory article by Prof. G.G. Malinetsky. M., URSS. LIBRIKOM Book House, 2017. - 799 p (In Russ.)

15. Maltsev G. V. Social foundations of law. M., Norm, 2007. - 799 p.

16. Nasib Nicholas Taleb. The black swan. Under the sign of unpredictability. M., 2020. 736 p. (In Russ.)

17. Per Tank. How nature works. The theory of self-organized criticality: transl. From ang. Introduction. Article by G. G. Malinovsky. M., URSS. Book house "LIBROCOM», 2017. - 799 p. (In Russ.)

18. Rostislavlev D.A. Conservative criticism of the liberal doctrine of the state in the writings of L. de Bonald during the Restoration and the July monarchy // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Legal Sciences. - 2010. - № 2 (6). P. 32-40.

19. Rostislavlev D. A. On the causes of revolutions of the XVII-XVIII centuries in the countries of the West // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Legal Sciences. 2021. No. 1 (41). P. 50-61.

20. Rostislavlev D. A. A. Tocqueville on bureaucratic management in France under the Old Order // Law and human rights in the modern world: trends, risks, development prospects. Materials of the All-Russian scientific conference dedicated to the memory of Professor F.M. Rudinsky. Moscow, 2021. P. 226-231.

21. Chirkin V. E. Modern civilizations and human status // The Universal Declaration of Human Rights: universalism and diversity of experience. Materials of the international conference. Moscow, 2009. P.176-185.

Информация об авторе

Е. М. Крупеня – профессор кафедры теории и истории государства и права института права и управления, доктор юридических наук, доцент

Information about the author

E. M. Krupenya - Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Institute of Law and Management, Doctor of Law, Associate Professor

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 17.11.2021; одобрена после рецензирования 02.12.2021; принята к публикации 03.12.2021.

The article was submitted 17.11.2021; approved after reviewing 02.12.2021; accepted for publication 03.12.2021.